

Концепция "Царьград Тырнов" и её влияние на русскую духовно-политическую мысль XVI в.

Научный руководитель – Перевезенцев Сергей Вячеславович

Страхов Александр Борисович

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет политологии, Кафедра истории социально-политических учений, Москва, Россия

E-mail: falconian@yandex.ru

В XIII-перв.пол. XIV вв. Болгария переживала расцвет. После падения Византии под ударами крестоносцев и установлением ордынского ига на Руси она стала крупнейшим православным славянским государством. Это положение необходимо было осознать и объяснить как себе, так и миру.

Нельзя сказать, что Болгарию и ранее не волновали взаимоотношения с соседними странами, однако главным соперником и оппонентом в интеллектуальных спорах оставались далеко не славянские страны, но Византия. Противопоставление Болгарии Византии имело долгую историю, однако ярче всего она проявилась в «Солунской легенде» — мифическом повествовании о миссии Кирилла в славянских землях. Греческий митрополит Иоанн отговаривает приехавшего из Дамаска (sic!) Кирилла от проповеди в болгарских землях, так как «Българе соуть члкадци и теб хотеть извести» [3, с. 158]. На сокрушённого горем Кирилла сходит некий голубь (очевидная отсылка на Святого Духа), и «азь истребихь гръцки зикъ» [3, с. 159], при этом овладев славянским. Примечательно, что здесь болгары пытаются откреститься от греков, показывают их своими врагами, подчёркивают, что христианство дано им напрямую от Господа. Это позволило осмыслить Болгарию со столицей в Тырново как независимый от греков православный центр и сделало возможной борьбу с Византией.

Концепция же падения Рима и Константинополя в болгарской историософии появляется в период существования Латинской империи - государства крестоносцев, захвативших Царьград. Она отражена в Пандеховом пророческом сказании, которое и начинается с описания судьбы Рима: «Рим е зрял. И зрелостта му е неговото падение, а а падението му е неговата погибел погибел. Има град Византион. Дойде Константин от Рим и превзе Византион; като го унищожи и разруши, изгради град и го назова свое създание - Константинов град. В него царуваха ромеите до кир Мануил цар, а след тово не ще царуват, докато не настъпят на гнева с годините» [цит. по: 5, с. 234]. Примечательно, что в сказании не указана дальнейшая судьба преходящего Рима. Это оставляет широкое поле для трактовок. Так, Г.С. Радойичич указывает: «Пандех — против латинян, и он ждет, что царство их погибнет, а это произойдет тогда, когда пройдет определенное число лет божьего гнева» [2, с. 164]. Тем не менее логика историософской традиции подсказывает, что в Болгарии уже была подготовлена почва для принятия на себя роли «нового Рима».

Действительно, политическая обстановка в XIII веке и особенно деятельность болгарского царя Ивана Асеня II располагала к подобным утверждениям: «Иноземная власть над Константинополем и крах имперских амбиций Солуни делали Тырново единственной православной столицей бывшего византийского Запада. После длительных перипетий, сопровождавших становление болгарско-никейского военного союза против Латинской империи, в 1235 г. собор восточного духовенства в Лампсаке признал особый статус Тырновской кафедры» [1, с. 154]. На символическом уровне этот особый статус был отмечен в

титуловании болгарского первосвященника «патриархом Царьграда Тырнова» и переносом многих святынь в Тырнов, так называемом «накоплением святости». Таким образом, Болгария заявила о своём намерении быть духовным центром всего православного мира.

Однако успешному развитию Болгарии в данном качестве помешало восстановление Византии. Хотя и не в прежнем величии, она продолжала оставаться центром восточного христианства, и теперь болгарским книжникам было необходимо вступить с ней в идеологическую борьбу. Всё интеллектуальное напряжение Болгарии было направлено на перетягивание влияния. В связи с этим кажется принципиально важным замечание Д.И. Польшванного: «В правление Ивана Александра изначальная черта болгарской культурной модели — противопоставление своей столицы византийской метрополии, приобретает новые измерения. Тырново соотносится не с современным ему Константинополем, а с византийской столицей эпохи Комнинов». [1, с. 178]. Иными словами, Византия как мировой религиозный центр для Болгарии перестала существовать и оставалась, если можно так выразиться, «политическим недоразумением», которое по какому-то сомнительному основанию считало себя наследником Рима. Особенно ярко такое отношение выражено в Манассиевой хронике, переводном с греческого языка документе, дополненном сведениями болгарской истории, в котором похвалы византийским императорам переадресованы болгарским царям простой вставкой в текст: «Вот что приключилось со старым Римом, наш же юный Царьград растёт и мужает, крепнет и молодеет. Пусть растёт он вечно, о царь, над всеми царствующий, принявший этот сияющий, светоносный дар, царь, великий владыка и славный победоносец [от корня Иоаннова, величавого царя болгар Асеня. Говорю я об Александре — кротчайшем и милостивом, покровителе монахов и кормильце нищих, великом царе болгар], пусть в его царстве без счета восходит солнце» [цит. по 1, с. 177].

Таким образом, «Царьград Тырнов», появившийся как отражение религиозной исключительности и мессианского характера Болгарского царства в условиях существования как единственного православного государства, постепенно стал орудием политической борьбы с Византией. Опыт сосуществования с католическим государством крестоносцев-завоевателей вызвал отторжение Римской империи как концептуального образа идеального государства, и поэтому Болгария уделяла внимание переносу «четвёртого царства» исключительно от православной Византии.

В 1396 г. Болгария пала под османским завоеванием, и образ «Царьграда Тырнова» сменяется насущными вопросами выживания.

Русские исследователи, которые касались проблемы данной концепции, в первую очередь обращали внимание на схожесть «Царьграда Тырнова» с теорией «Москва - Третий Рим» старца Филофея. Историк-эмигрант Дм. Стремоухов указывал: «Русские знакомы с византийской доктриной как непосредственно, так и через южных славян, адаптировавших её в собственных национальных интересах» [4, с. 427]. Это позволило Стремоухову разделить мнение П. Милюкова и считать русскую концепцию адаптацией болгарской. Действительно, и болгарская, и русская формулировки появились как обоснование религиозной исключительности и лишь потом были наполнены политическим смыслом. Обе концепции опираются на пророчество Даниила и появляются в условиях гибели Византии. Однако авторы болгарской концепции добровольно отказывались от преемственности с первым Римом, замкнувшись на локальных вопросах, в то время как влияние России, по мнению Филофея, должно было развернуться в глобальных масштабах.

Источники и литература

- 1) Польшванный Д.И. Культурное своеобразие средневековой Болгарии в контексте византийско-славянской общности IX-XV веков. Иваново, 2000.

- 2) Радойичич Г.С. Пандехово сказание 1259 г. (О Византии, татарах, куманах, русских, венграх, сербах, болгарях) // Труды Отдела древнерусской литературы. 1960. Т. 16. С. 161–166.
- 3) Солунская легенда // Лавров П.А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. С. 158-159.
- 4) Стремоухов Д.Н. Москва — Третий Рим. Источник доктрины // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 425–441.
- 5) Каймакамова М. Власт и история в България в края на XII и през XIII в. // Сборник радова Византолошког института. 2010. №47. С. 215-244.